

МИХАИЛ ДУДИН

СЛИХИ

Д 81.

Р32213

Малая Твардия 1943

Михаил ДУДИН

СТИХИ

1940—1943

Под редакцией
П. АНТОКОЛЬСКОГО

Издательство
ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ“
1948

«КУКУШКА»

Виктору Чухиву

Художник был пройдоха. Он на пушку
Решил вас взять, играя на войне.
Он так изобразил свою «кукушку»,
Что стало вдруг до слез обидно мне.
На полотне пятно дояны белой,
Безоблачное небо, даль ясна,
И в середине — к небу омертвелой
Метлой, верхушки тянется сосна.
На той сосне, на фоне синеватом,
Спокойном и прозрачном, как вода,
Сидит солдат с коротким автоматом
И целится неведомо куда.
Идут красноармейцы, в строй сомкнуты,
И улыбаются, и ясно тут —
Они того солдата в две минуты
По замыслу художника возьмут.

Так на картине... А на самом деле?
Священной нашей памяти не тронь!
Мы шли в осатанелый вой метели
Сквозь окаянный пушечный огонь.
И, если вспомнить, на любой опушке,
Где густы ели, где опасен мрак,
За пять шагов не различишь «кукушки».
Вот как умел маскироваться враг!
Его уничтожали с лесом, с талой
Землей, с бетоном вышибали вон,
Со всем живым и мертвым, что скрывало,
Куда вращал и забивался он.
И все-таки мы шли, и брали с бою
За пядью пядь. Мы падали в крови.
Нам даже было некогда порою
О смерти думать, думать о любви.
Об этих днях, суровых и тревожных,

Еще напишут праведный рассказ.
А вы, достопочтенный мой художник,
Оклеветали, осмеяли нас.
Я слышал, как мальчишка, весь в веснушках,
На выставке другому говорил:
— А я бы эту самую «кукушку»,
Как воробья, рогаткой уложил...
Вот видите, — и дело тут не в славе,
Мне с ней не жить, не зиму зимовать.
Но я обязан говорить, и вправе:
Ведь мальчику придется воевать!
Ему еще дорог немало мерить,
И жизнь его, как песня, дорога!
А что же будет, если он поверит
В такого допотопного врага?
Художники! Из чугуна и стали,
Отбрасывая к чорту хлам и лом,
Творите так, чтоб мертвые воцрали
И, как живые, встали над врагом.

РАЗГОВОР

Труба и ракета сказали отбой.
Замолкли орудия. Кончился бой.

Три друга склонились над другом своим.
Который на камне лежал недвижим.

Был первый моложе и тише других,
И первый тревожно взглянул на двоих...

И голосом сломанным, из темноты:
«Я тоже, товарищ, погибну, как ты».

И звезды рассыпались над головой.
И голову поднял товарищ второй:

«О нас позаботится родина-мать,
Не страшно за дело ее умирать».

А третий спокойно сказал: «Не тужить, —
Надо уметь побеждать и жить».

ПУШКОВ

Нависло небо сизой глыбой...
Багровый дым... и рев... и стон...
Четвертый день пылает Выборг,
Со всех окраин подожден.

За полем боя наблюдая
Четвертый день, зажав в ладонь
Морской бинокль, не уставая,
Наш лейтенант ведет огонь.

А у меня из Армавира,
И, может, нужные весьма,
Лежат на имя командира
Четыре свежие письма.

Он их вернул мне, не читая,
«Ответь, мне некогда сейчас».
И я сажусь и отвечаю,
Как мне случалось много раз.

Пишу, как много раз писалось,
Что скоро кончится война,
Что здесь морозы миновались,
Что будет ранняя весна...

...Я знаю, есть закон такой,
Мы все за одного в ответе:

Убьют меня — придет другой,
Убьют другого — встанет третий!..

Но что теперь, когда, бушуя,
Замолк салют, растаял свет,
Что этой ночью напишу я,
Когда Пушкива больше нет?

Когда остался холмик мерзлой,
Со снегом смешанной земли,
Откуда виден Выборг грозный,
Огнем подернутый вдали..

МОЙ ПОХОДНЫЙ КОТЕЛОК

Поднималась пыль густая
Вдоль проселочных дорог...
И стучал, не уставая,
Мой походный котелок.

Пела пуля в непогоду,
Смерти кровная сестра,
Я с тобой ходил в походы,
Спал и мерзнул у костра.

Из тебя| в метель ночную
(Помнишь пушечный набат?)
Пил водицу снеговую
Насмерть раненный комбат.

И однажды на опушке —
Густы ели, снег глубок —
Белофинская «кукушка»
Мой пробила котелок.

После боя раным-рано,
Как умел я и как знал,

Боевые его раны
Красной медью заклепал.

И опять пошел в дорогу.
Дует ветер, путь далек...
И стучит со мною в ногу
Мой походный котелок...

Здесь только б жить и грезить Грину, —
Чтоб только ветер в волосах,
Чтоб солнце в лоб и звезды в спину, —
Лететь на алых парусах.
Лететь уверенно и твердо,
Встречать умытую весну,
На голубинные фиорды,
В бездонную голубизну.
Чтоб сзади облако, как лебедь,
Плыло волне наискосок,
Волна б отряхивала гребень
На желто-розовый песок.
Я встал на камень угловатый.
Предутренняя свежесть. Тишь...
Проходят дни. Стареют даты.
Растет по отмелям камыш.
Прильни к траве горячим ухом,
Вглядись и в землю и в гранит:
Здесь Русь. Здесь пахнет русским духом,
С тобой по-русски говорит.
Здесь дышит былль былой победы
В горячем пламени опять.
Как бились русские и шведы,
Как шведы отступали вспять.
Сквозь сон, сквозь сетку хвойных веток
Я ночью видел у костра
Навстречу буйному рассвету
Тень уходящего Петра.

По ветру хлопали знамена,
Герои встали наяву.
Я, если хочешь, поименно
Живых и мертвых назову.
Проходят дни. Стареют даты.
Растет по отмелям камыш.
Круглеет камень угловатый
И превращается в круглыш.
Пусть слово в слово входит круто,
Пусть будут камнями слова.
Пусть слава русского Гангута
Вовек останется жива.

АНТОНЕНКО И БРИНЬКО

Мы слышали шум полета.
Мы видели: издали
Три темные самолета
К нашему краю шли.
Пока донесли телефоны
О скорости и высоте,
За линию обороны
Вырвались птицы те.
И шли к намеченной цели,
Раскачиваясь слегка.
Пропеллеры ровно пели,
И пенились облака.
Нам было отчетливо видно
Когтистый фашистский знак.
Нам было до боли обидно; —
Врагов не достать никак.
А в это время к границе,
Покинув аэродром,
Две краснозвездных птицы
Метнулись напролом.
Как молнии друг за другом,

Развившие быстро,
Стремительно круг за кругом
Вонзились в высоту.
Летят, подбавляя газу,
Отчетливо и легко.
И мы их узнали сразу:
Антоненко и Бринько!
У них есть своя повадка
У пропасти на краю,
Свой риск, свой расчет и хватка,
Крутая хватка в бою.
Вот и сейчас, в полете,
В сиянии красных звезд,
С быстрого разворота
Заходят фашистам в хвост
И шпалят свинцовым ливнем
В когтистый фашистский знак.
А мы на земле кричим им:
«Вот так его, так его, так!»
Стараясь схватиться за тучи
Лиловой рукой огня,
Первый со скоростью жгучей
На скалы летит, звеня.
Второй ныряет, как рыба,
И шлепается в залив,
Вода поднимается глыбой,
Его с головой залив.
А третий, — мы видели сами, —
Едва скользит в вышине,
Мотором врезается в камень
На собственной стороне.
Растаяли дымные пятна,
Затих в отдаленье гром.
Два друга летят обратно.
Посадка. Аэродром.
Как глубоко и гладко
Небо над головой.

Один снимает перчатки,
Шлем снимает другой.
Им волосы гладит ветер.
Навстречу им распростер,
Чист, золотист и светел,
Об'ятыя свои простор.
«Ну что же, вздремнем в самолете,
Пока, рассыпая свет,
Не возвестит о взлете
Огнистый росчерк ракет».

СНАРЯД

У синих гор, у солнца на виду,
Твой друг, геолог, отыскал руду.

И, отерев ладонью смуглый лоб,
К руде пришел упрямый рудокоп.

Вгрызался экскаватор в котлован,
Шел на-гора железный колчедан.

Дрожала в небе стылая звезда.
Гремели и свистели поезда.

Сталелитейщик, ночи не доспав,
Пускал по формам раскаленный сплав.

И токарь, наклоняясь у станка,
Обтачивал вместительный стакан.

Потом в стакан засыпали заряд.
И вот из рук твоих летит снаряд.

В нем наша сила, ярость и оплот,
В нем наша смелость, наш горячий пот.

Народный гнев, победы торжество,
Спрессованная ненависть его.

Густеют тучи, горизонт тяжел.
На запад, поднимаясь, смотрит ствол.

Так кровь — за кровь, и смерть — за смерть.
Отпор!

И маслянисто лязгает затвор.

Наводчик, цель, смотри, не проворонь...
По свастике, оружие, огонь!

ГРИДЕНКО

Два отделенья охраняли остров.
Садилось солнце. Вечер был багров.
И шторм крепчал. Пылали в небе пестром
Разодранные ключья облаков.
Был каждый напряжен, сосредоточен,
Чего-то ждал, месил ногами грязь.
А шторм крепчал, и в середине ночи
Девятым валом оборвало связь.
А может и не валом? Черной смертью
Повеяло предчувствие беды,
Когда на остров рыжие, как черти,
Полезли люди прямо из воды.
Они ползли, они легли враспяжку,
Их было много: рота... батальон...
Но встал связной, рванул бушлат, тельняшку,
Выбрасывает смертный медальон —
И кинулся в бурлящую воронку...
Соленым ветром захлестнуло рот.
Два снайпера ударили вдогонку,
И нервной дрожью вспыхнул пулемет.
Он все забыл. Кипучее стремленье
Его несло и умирать и жить.

И мысль одна: «Скорей за подкреплением,
Добраться, добороться, доложить».
И он петлял. Он в стороны метался,
Хоть шторм и пули были заодно.
Он пробкой на поверхность вырывался,
Тяжелым камнем уходил на дно.
В кровь изодрав и локти и колени,
Донельзя зол и до предела слаб,
Он выплыл и пополз на четвереньках
И не вошел — ввалился в штаб.
И капитан увел навстречу ночи
Своих ребят, успев в дверях сказать:
«Герой! Но это между прочим...
Дать спирту и перевязать!»

ГАНГУТЦЫ НА НЕВЕ

Умолкнет гром последнего раската, —
Мы где-нибудь да встретимся опять.
Нам есть о чем поговорить, ребята,
Нам есть что вспомнить, что порассказать.

Друг друга мы узнаем по походке,
Неловкая наступит тишина...
Так наливай по двести граммов водки,
Положенной наркомом, старшина.

Не опьянеем. Ничего. Надейся.
Мы жизни не щадили на войне.
Мы заслужили звание гвардейцев,
Так выпить полагается вдвойне.

Мороз такой, что спирт не согреет,
Но кверху поднимается ладонь.
И голос Давиденко: «Батарея!»
И следом оглушительно: «Огонь!»

Снарядами промешанные круто,
В золе и пепле синие снега.
И мне припоминаются Гангута
Скалистые седые берега.

Жарынь-жара. И в переблесках алых
Ночь, словно день, тревожна и остра,
Дурман травы и лишай на скалах,
Лес и болото выжжены дотла.

Мы не тряслись, как хвост у трясогузки, —
Была в нас вера крепкая жива!
Напористо, размашисто, по-русски
Мы с боем занимали острова.

И вот опять на брустверах и дзотах
Сдувает взрывом иней налет,
Бывалая гангутская пехота
Тремя волнами хлынула на лед.

И словом оборотистым покруче
Зовет бойцов, огнем атаки пьян,
И вылетает птицею по круче
На левый берег капитан Салтан.

Здесь жизнь проста, а смерть давно проще.
Из немцев душу вышибая вон,
За разнесенной в щепки редкой рощей
Уже проходит третий батальон.

Уже в конюшне вспыхнула солома....
Уже, до крови закусив губу,
В немецкий дзот гранату бросил Шлома
Через печную ржавую трубу.

И вслед за взрывом отлетают двери,
Как будто ад наружу лезет сам.
На четвереньках выползают звери
И поднимают лапы к небесам.

Они дрожат. Налево и направо,
Через Неву и вдоль и поперек,
По грубым деревянным переправам,
По рытвинам раз'езженных дорог

Уже проходят танки. А в сторонке,
Ободренные выставив горбы,
Тяжелые немецкие трехтонки,
Как лошади, под'яты на дыбы.

За Марином, за лесом, на опушке,
Где ветер снегу по уши надул,
Снарядами беременные пушки
Уткнулись в землю ртами черных дул.

Они уже не изрыгают пламя.
Пехота рвется дальше сквозь сосняк,
Путилов с нами, Говгаленко с нами,
И берегом проходит Симоняк.

Мы знаем боевого генерала,
Он батянка нам, он нам и друг и брат.
Обстрелянный, настойчивый, бывалый,
Огонь и воду видевший солдат.

Вот он идет. Во тьме свистят осколки.
Суровое, спокойное лицо.
Мы занимаем первые поселки.
Уже трещит блокадное кольцо.

Уже последним натиском атаки
Разгоряченный боем, как снаряд,

С бойцами прорывается Собакин:
«Товарищи, свободен Ленинград!»

Мы соберемся снова, как бывало,
Друзья по гроб. И сразу пробки вон.
Кутузов, Черноус и Чичеланов,
Никем незаменимый почтальон.

Мы выйдемся до праздника такого,
С врагами рассчитаемся сполна..
Мы Зотова помянем, и Уткова,
И Виктора помянем Чухнина.

Война не ждет. Иди вперед и бейся!
Мы не щадили жизни на войне.
Мы заслужили звание гвардейцев,
Так, значит, с нас и спросится вдвойне.

Полгоризонта пламенем об'ято.
Еще нам, братцы, хватит воевать.
Умолкнет гром последнего раската, —
Мы где-нибудь да встретимся опять.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Старуха на дрова могильный рубит крест.
Кладбище Александро-Невской лавры.
И вот поют на сотни верст окрест
Начало битвы медные литавры.

Я слышу вновь в разбуженной ночи,
В ударах ветра, завываньях вьюги,
Как перекрещиваются мечи
И шелестят железные кольчуги.

И кони грузно падают на лед,
И копыта с ходу пробивают латы.

На лед садится розовый налет,
А час назад он был зеленоватым.

И в нетерпенье бросив поводя,
Откинув плащ и расправляя плечи,
Как вихорь, он врывается туда —
В крутое пекло бесподобной сечи.

Врубается мечом и пикой князь,
Работает в поту, в свирепом раже.
Он бьет в упор, он бьет оборотысь,
Наотмашь по рогатой каске вражьей.

Вперед зовет, невозмутимый, стройный.
И отступают в панике враги.
Русь спасена. И на воде спокойной
От пузырей расходятся круги.

Враг вновь идет и задушить нас хочет.
Мы узнаем исконного врага.
Он в той же каске, только покороче
Обломанные русскими рога...

Мы в битвах рассчитаемся с врагами,
Спалим уничтожающим огнем,
И эту каску с бычьими рогами
Мы вместе с головою отвернем.

Ведь мы, друзья, достойные потомки —
Мы Александра Невского сыны.
Истории далекие потемки
Сегодняшним огнем освещены.

ВОЛГА

...Столбы земли встают над Сталинградом.
Здесь битва небывалая идет.
На жизнь и смерть. И сталь гудит зловеще
И изрыгает бешенство огня.
И на ветру пронзительно скрежещет
Снарядом раздробленная броня.
И, немца в темноте подкарауля,
Через передний край наискосок,
Как иволга, над Волгой плачет пуля
И в бронзовый врезается висок.
Зеленые и синие ракеты
Густую ночь, как одеяло, рвут.
И танки опрокинутые где-то,
Как раненные мамонты, ревут.
С когтистыми распятиями свастик
Они ползут сквозь брустверы и рвы.
На башнях, неуклюжих и горбастых,
Сплошная грязь, пучки сырой травы.
Но, подпустив вплотную, доотказа,
И выкрик «к бою!» и команда «бей!»,
Как факелы, их поджигают сразу
Укрытые засады батарей.
А сколько их сюда нагнали, жадных
До нашей русской золотой земли,
И сколько их гниет в траншеях смрадных!
И слягут те, что нынче не легли.
Пусть вихрь сильнее. И дождь наотмашь хлещет.
И над землею сладковатый чад.
Над трупами, раздутыми зловеще,
Медлительные коршуны кричат.
Мы выживем! Мы выбьемся! Не нам ли
Судьбу вручила родина свою?
Мы войны... Не маменькины мямли.
В последнем нам торжествовать бою, —
Да так, чтоб грудь от радости расперло,

322/3.

Да так, чтоб песня птицею плыла!
Не иволги малиновое горло, —
Здесь нужен клетот горного орла.

СТИХИ О ШАЛАШЕ.

Мелкий лес да болото. В лиловом огне горизонт.
Грохот взрывов и дыма тяжелая грива.
Через два километра уже начинается фронт.
Облака раздробились в чешуйчатой ряби Разлива.
Нас мороз леденил, к нам в землянки врывалась вода,
Снег крутил, заметал переходы и щели.
Пели пули во тьме, и свистели в ночи провода.
Прорывались враги, и прорваться они не сумели.
Артиллерия била, визжал за снарядом снаряд.
И зима, и мороз, и костлявая лапа блокады.
Рядом, сзади, за нами, упрямо стоял Ленинград, —
Мы стояли на страже у стен своего Ленинграда.
Это воинов долг. Это подвиг решительный наш.
Это наше единство, горячая сила порыва.
Это видевший виды из веток сосновых шалаш.
Это Ленин здесь жил, в шалаше у скупого Разлива.
Разжигая костер, он, прищурясь, смотрел в темноту.
В лунном свете вода отливала холодную сталью.
Сквозь застенки и ссылки он нес золотую мечту,
И мечту эту вместе мы сделали крепкою явью.
Мы стоим на часах. Тишина. Из густой темноты
Только звезды сквозь тучи и ветер, летящий над
миром.

...Он обходит расчеты и, проверяя тысты,
Подбодряет бойцов, наставленья дает командирам.
Мы не слышали слов, но мы чувствуем наверняка,
Что вот именно так, что иначе никак не бывает, —
Этот голос и жест, и на Запад простерта рука,
Непрерывно вперед, непрерывно вперед призывает.
Сквозь огонь и грома, раскаленные зноем дожди,
Через рвы, через надолбы, через траншеи на Запад!

С нами вместе в походных шинелях вожди!
Горизонт лиловет, горячею кровью закапан.
Он приходит, победы решительный час.
Трубы грянут тревогу. Дорога крута и открыта.
Ленин вышел и встал. И, прищурившись, смотрит на нас...
Мелкий лес да болото. Бессмертный шалаш из гранита.

ШОФЕР

Александр Орлову

По лужам, по оврагам, напрямик,
В крутой грязи по ступицы, по брюхо,
Как бегемот, отфыркиваясь глухо,
Проходит санитарный грузовик.
Он медленно вползает на бугор.
Дрожит. Трясется. А земля размокла.
Но бьет снаряд. И вылетели стекла.
Осели шины, и заглох мотор.
Шофер, шатаясь, вытащил домкраты
И целый час возился у колес.
Ключи звенели, и пыхтел насос.
Он заменил поломанные скаты.
Машину снова охватила дрожь.
Он все педали выжал доотказа.
Он был, как чорт, до самых глаз измазан,
В грязи или в крови — не разберешь.
Он в руль вцепился, не взглянув назад,
И вел машину бережно и скоро.
Доставившего раненых шофера
Вносили санитары в медсанбат.

ЖАВОРОНОК

Под сапогами оползает глина.
И вот опять встает перед тобой
Разрытая снарядами равнина,
Где третьи сутки колобродит бой.

Дрожит земля от бешеного гуда.
На сорок верст ворочается гром.
А он вспорхнул и с вышины оттуда
Рассыпался звенящим серебром.
Свистели бомбы... Лаяли зенитки...
Протяжный гул... Невероятный вой...
А он звенел на золотистой нитке
Между разбитым небом и землей.
Как будто бы пронизывала тело
Животворящей радости волна.
Моя земля травинкой каждой пела,
Таинственного трепета полна.
И раненый смотрел на клубы дыма,
Прислушивался к пенью, не дыша.
Пускай сегодня смерть необходима!..
Но жизнь всегда, как песня, хороша.

КАМЕНЬ

Как нож, прорезав щели, по обоям
Бежала световая полоса.
Здесь был привал последний.
...Перед боем
Он брал у нас на память адреса.

Далекими повеяло ветрами,
Веселым детством в солнечной пыли,
Какими-то знакомыми цветами,
Которые еще не расцвели.
Полынью. Зноем. Невысокой рожью.
Давно обжитым. Навсегда родным.
Мне вспомнилось Поочье и Остожье.
Неповоротливый, ленивый дым.
Ночное. Луг. Чу, чмокают копыта,
И лунным светом окаем залит.

Он смотрит удивленно и открыто.

«Ну, что тебе, товарищ замполит?
Такое и с тобой, наверно, было,
Что грусть пришла непрощенно, сама?
Любимая меня давно забыла,
Друзья воюют, а семьи нема...
Кому ж писать и сообщать о смерти,
Да я и не намерен умирать...»

Враги вперед ломились, словно черти,
И отступили медленно опять.
Кто говорил, что враг бессилен. — враки!
Он жал нас плотно, сразу с трех сторон.
Четыре раза отбивал атаки,
Стоял, как вросший, третий батальон.
А к вечеру ударил ливень. Косо
Захлестывала струями вода.
В грязи хрипели лошади. Колеса
По втулки вязли. К чорту обода
Летели. Ухали зенитки.
И пулеметы сыпали галдеж.
И вымокли (хоть выжимай!) до нитки,
А может, пропотели — не поймешь.
Без передышки, каждый час сраженье,
Потом затишью наступает срок...

Четвертый день мы бьемся в окруженье,
Нам каска заменяет котелок.
Дымит земля. Она сыра, как губка,
Дотронешься — и выступит вода.
Комбат охрип. Не отвечает трубка,
И в сумрак убегают провода.
И вслед за ними по тропинке мгlistой,
По скалам, пробираясь наугад,
Уходят молчаливые связисты.
Мы ждем. Не возвращаются назад.

Идут другие, и опять ни слова,
Уходят третьи. Темнота густа...
Она ползет упрямо и сурово
Из каждого оврага и куста.
Неправда! Нет! Пусть я, пусть он, пусть вы хоть,
По-юношески этот мир любя,
Единственный отыскиваем выход,
Когда мы свято веруем в себя.
Тот выход есть! Бери его и трогай!
Скажи судьбе, чтоб отступила прочь.

Он смотрит вдаль решительно и строго.
Скрывается.

...И наплывает ночь,
Размытая, разорванная в клочья,
Прочизанная ветром и дождем.
И вот мы убеждаемся воочью,
Что самого решительного ждем.
Оно приходит, плотный воздух сгрудив,
И, к нам приблизив тысячу смертей,
Врывается дыханием орудий,
Тяжелых дальнобойных батарей.
И отзвук громахающий не умер,
Он эхом повторяется стократ.
Лисенком пискнул позабытый зуммер.
Комбат встает. И нас ведет комбат.
Ведет по скалам в гром и посвист дикий,
К своим выводит третий батальон.

...Здесь сыплет солнце золотые блики.
Здесь камни радуются.

Только он
Лежит в крови, израненный и грубый, —
Пусть в памяти пребудет навсегда, —
Последним вздохом стиснутые зубы,
Соединяющие провода.
Так вот она, — возьми ее, изведай!
Попробуй оцени ее, измерь!

Все то, что называется победой,
Как ток, проходит через эту смерть.
Мы камень положили над могилой,
Мы вспомнили любимую и мать.
А у него ни матери, ни милой,
И некому об этом написать.

Мы отошли. Но мы придем на Запад,
Где серые пожарища дымят,
Где нашей кровью каждый шаг закапан,
Чтоб отомстить, чтоб кости взять назад.
И на земле, обугленной и стылой,
Очищенной от нечисти сполна,
Отыщем безыменные могилы
И назовем простые имена.
Быть может, ты найдешь тот камень,
Обыкновенный камень из камней,
Как друга, крепко обними руками,
Прижмись к нему. Дыханием согрей!

СОЛОВЬИ

Н. Гриневу

О мертвецах поговорим потом.
Смерть на войне обычна и сурова.
И все-таки мы воздух ловим ртом
При гибели товарищей. Ни слова
Не говорим. Не поднимая глаз,
В сырой земле выкапываем яму.
Мир груб и прост. Сердца сгорели. В нас
Осталась только ненависть! Упрямо
Обветренные скулы сведены.

Трехсотпятидесятый день войны....

Еще рассвет по листьям не дрожал,
И для остратки били пулеметы.

Вот это место. Здесь он умирал,
Товарищ мой из пулеметной роты.
Тут бесполезно было звать врачей, —
Не дотянул бы он и до рассвета.
Он не нуждался в помощи ничьей.
Он умирал. И, понимая это,
Смотрел на нас, и молча ждал конца,
И как-то улыбался неумело.
Загар сначала отошел с лица,
Потом оно, бледнея, каменело.
Ну, стой и жди... На месте соловей.
Запри все чувства сразу на защелку.
Вот тут и появился соловей,
Несмело и томительно защелкал...
Потом сильней, входя в горячий пыл,
Как будто настезь вырвавшись из плена,
Как будто сразу обо всем забыл,
Высвистывая тонкие колена.
Мир раскрывался... Набухал росой...
Как будто бы еще едва означась,
Здесь рядом с нами возникал другой
В каком-то новом сочетании качеств...
Как время, по траншеям тек песок...
К воде тянулись корни у обрыва...
И ландыш, приподнявшись на носок,
Заглядывал в воронку от разрыва.
И колокольцы, выстроившись в ряд,
Блестя желтизной невероятной,
Головками мотают и звенят,
Бегут вперед и мечутся обратно...
Еще минута — задымит сирень
Клубами фиолетового дыма.
Сирень пришла обескуражить день.
Сирень везде. Она непроходима.
Как будто здесь рыдает сам Шопен,
Роняя с клавиш розовую пену,
В предчувствии великих перемен,

Оплакивая тяжкую измену.
Еще мгновенье. Перекосит рот
От сердце раздирающего крика.
Но успокойся. Посмотри, цветет,
Цветет на минном поле земляника.
Лесная яблонь осыпает цвет.
Пропитан воздух ландышем и мятой.
А соловей свистит. Ему в ответ
Еще — второй, еще — четвертый, пятый...
Звенят стрижи, малиновки поют...
И где-то возле, где-то рядом-рядом
Раскидан настороженный уют
Тяжелым громыхающим снарядом.
А мир гремит. На сотни верст окрест,
Как будто смерти не бывало места,
Шумит неумолкающий оркестр,
И нет преград для этого оркестра.
Весь этот лес, листом и корнем каждым,
Ни капли не сочувствуя беде,
С невероятной жизненной жаждой
Тянулся к жизни, к солнцу и воде.
Да, это жизнь. Ее живые звенья,
Ее крутой, бурлящий водоем.

Мы, кажется, забыли на мгновенье
О друге умирающем своем.
Горячий луч последнего рассвета
Едва коснулся до его лица.
Он умирал.. И, понимая это,
Смотрел на нас и молча ждал конца...
Смерть не вмещается в мозг. Тем боле,
Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: «Ребята, передайте Поле —
У нас сегодня пели соловьи...»
И сразу канул в омут тишины.

Трехсотпятидесятый день войны...

Он не дожил, не долюбил, не допил,
Не доучился, книг не дочитал.
Я был с ним рядом. Я в одном окопе,
Как он о Поле, о тебе мечтал.
А может быть, в песке, в размытой глине,
Захлебываясь в собственной крови,
Скажу: «Ребята, дайте знать Ирине —
У нас сегодня пели соловьи».
И полетит письмо из этих мест
Туда, в Москву, на Zubовский проезд.
Пусть даже так. Потом просохнут слезы,
И не со мной, а с кем-нибудь вдвоем,
У той поджигородовской березы
Ты всмотришься в зеленый водоем.
Пусть даже так. Потом родятся дети
Для подвигов, для песен, для любви.
Пусть их разбудят рано на рассвете
Томительные птицы — соловьи.
Пусть им навстречу солнце зноем брызнет
И облака потянутся гуртом...
Сейчас я славлю смерть во имя жизни.
О мертвецах поговорим потом.

МАТЬ

Совсем одна на утреннем рассвете,
От грохота и грома вдалеке,
В спокойном Широковском сельсовете,
На мелководной Молохте-реке,

На левом берегу стоит мирская,
Обхвата в три, зеленая сосна.
Вот там и пролетела золотая,
Младенчества веселая весна.

Тяжелые мохнатые деревья
Шептали сказки зимних вечеров,
И по пригорку Клевнево — деревня,
В сугробах снежных, из шести дворов.

Там в водополье набухают реки,
Болота превращаются в моря.
Вот там и есть любимая навеки,
Единственная родина моя.

Там жимолости розовая пена,
Смородина да хмеля благодать,
Поля в цвету. Там и жила Елена
Васильевна, моя родная мать.

Вот вспомнишь так, и запахом знакомым
Пахнут ветра от этих дальних мест.
Есть церковь на горе под Вязосковым
И на кладбище деревянный крест.

Пусть нет тебя, но до смертельной дрожи,
В коловороте грома и огня,
Всего понятней и всего дороже
Твой образ был, как песня, для меня.

Нет, это больше — это не привычка, —
Воспоминанья сладковатый хмель.
Я был везде — у чорта на куличках,
От родины за тридевять земель.

Я мерз в снегу. Я шел опять в дорогу.
Дымилась даль прифронтовых дорог.
Я падал, поднимался. Снова ногу
Подсчитывал походный котелок.

Я шел вперед сквозь мины и завалы.
Через траншеи, надолбы, кусты.

Борщом и кашей бредили привалы,
И вспыхивали сдержанно костры.

И в перерыве, в передышке боя,
Когда, казалось, нету больше сил,
Я в тишине беседовал с тобою
И об одном тогда тебя просил,

Чтоб научила ты меня, не мучась,
Сквозь все дороги, через все пути
Солдатскую положенную участь
На перетертых лямках пронести.

А осень рядом шлепала впритруску
И обдавала ветром и дождем.
Я падал, поднимался... Я был русской,
Все испытавшей женщиной рожден.

Вода стекала по железной каске,
Шумела над усталой головой.
Ты возникала рядом, словно в сказке,
И молча проходила предо мной.

Был зной и лето, И земля дрожала.
Весь мир насквозь пронизывала дрожь.
О, как ты наклонялась, как ты жала
Высокую, налиivistую рожь!

Какая человеческая сила
Была в тебе, когда вдоль полосы
Ты, проходя, размашисто косила
Шатиловские спелые овсы!

Потом был запах хлеба и овина
И клевером набитый сеновал.
Чего желать? Я сам теперь мужчиной.
Я вырос, огрубел и возмужал.

Мозолистые, крепкие ладони
Ременные сжимают поводя.
Хрипят и бьются бешеные кони,
И колетя стеклянная вода.

За то, что мне всего милей навеки
Единственная родина моя,
Где в водополье набухают реки,
Болота превращаются в моря;

Где частокол, опутан повиликой,
Встает перед глазами, как живой;
Где влажный воздух пахнет земляникой
И скошенной, просушенной травой;

Где на тропе, полузабытой, узкой,
Мать-мачеха обрызгана дождем, —
На той земле, где я, мальчонка русский,
Все испытавшей женщиной рожден.

Я вновь готов! Опять иду в дорогу,
И кровь врага сочится из-под ног.
Четвертый год подсчитывает ногу
Походный неизменный котелок.

Дымятся кухни, и чадят привалы,
И вспыхивают сдержанно костры.
На воздух поднимаются завалы,
Прожектора булатные остры.

Упругий град стучит по ржавой каске,
Грохочут пушки, открывая бой.
И ты опять проходишь, словно в сказке
И ты опять встаешь передо мной.

Я никогда не преклоню колена,
Мне долго жить и долго воевать,
Но, видишь, жду. Благослови, Елена.
Васильевна, моя родная мать!

Навстречу нам от розового края,
От островов, от берега плыла
Граненая, почти что золотая,
Обтесанная волнами скала.

А на скале, где солнечные нити
Сплетались в клуб и этот клуб дрожал, —
Там девушка стояла на граните,
Там рыжий пес у ног ее лежал.

Я вдаль смотрел, на острова, на берег,
И с каждым мигом лучше понимал,
Зачем когда-то, открывая, Беринг
Их именами женщин называл.

Она смотрела вдаль. На поднебесье.
На золотой восход. На тишину.
И, может быть, она встречала песней
Широкою, как зарево, волну.

И я опять припомнил край далекий,
Сирени фиолетовый дымок.
Всему свои бывают в жизни сроки.
И нашей службе свой положен срок.

Да, я тебя за тыщу верст узнаю,
На всех тропинках различу следы.
И ты качнешься, тонкая, сквозная,
Из воздуха, из ветра, из воды.

Да, я пройду суровую дорогу,
Все для тебя оставлю, сберегу, —

Всю жизнь свою, всю радость, всю тревогу...
А девушка стоит на берегу

И смотрит вдаль — на желтые откосы,
На синеву, на плавленную медь.
Косынка чайкой падает на косы,
И девушка не может улететь.

РОМАНТИКА

Встают косматые откосы,
Обрывы каменной земли.
Чернобородые матросы
Из бухт выводят корабли.

В руках мелькают карабины,
Багры и крючья входят в раж.
Дубовый корпус бригадины
Охватывает абордаж.

Потом волна несет обломки.
Кипит песчаная коса.
Чернобородые потомки
Опять вздымают паруса.

Крутой романтики наследство.
В морской простор от пыльных книг
Упрямо вынырнувший с детства
Проносит нас крылатый бриг.

И снова гордый флаг державы
Недосыгаемо высок.
Хрустит на побережье ржавый,
Волной зализанный песок.

И расступается седая
Предутренняя тишина,

Когда проходит, оседая,
Почти на цыпочках волна.

Она освобождает руки
И возвращается туда,
Где час назад ворвалась в люки
Неумолимая вода.

Но он прошел сквозь сто агоний,
От гибели на волосок.
И вот опять его ладони
Холодный шуляют песок.

Он раз и два вздыхает тяжело,
Он видит снова наяву
До нитки мокрую тельняшку,
Песок и эту синеву.

В дыму косматые откосы,
Обрывы каменной земли.
Встают, безусые матросы
И оставляют корабли.

Они проходят сквозь равнины
Почти в упор на абордаж.
В руках мелькают карабины,
Багры и крючья входят в раж.

И снег горит под каблуками,
Металл на ключья землю рвет.
Штыком, гранатой и руками
Он продирается вперед.

Потом клубится гарь и пепел,
И он встает, оторолев.
Поистине великолесен
Его неумолимый гнев.

Былой романтики наследство.
В пожар, в огонь от этих книг
Упрямо вынырнувший с детства
Его несет крылатый бриг.

И снова пламень нашей славы
Прошедший освещает век.
Хрустит, сыпучий и кровавый,
В золе и пепле черствый снег.

Потом клубится мгла седая,
И набухает вышина,
И к изголовью, оседая,
Уже подходит тишина.

Но он прошел сквозь сто агоний,
Из камня сбитый человек.
И вот опять его ладони
Сухой ощупывают снег.

Он раз и два вздыхает тяжело,
Но давит на плечи не та,
Почти железная тельняшка
И неземная темнота.

Он смотрит. Он уже безвольно
Ощупывает эту тьму.
Ты, может, вымолвишь: «Довольно»,
Но позавидуешь ему.

И снова луч прямой, как кортик,
Располосует вышину.
И снова выстрелы испортят
Его земную тишину.

Но он пройдет любые дебри
Неперечитанных томов.

Уже наружу лезут стебли
Еще невиданных цветов.

Уже иной, веселый запах
Приносит новая заря.
На неуклюжих черных лапах
Ползут на берег якоря.

Так выходи, живое слово,
На караул солдатом стань
И обнажи, как штык, сурово
Свою отточенную грань,

Чтоб солнце плыло сквозь туманы,
Чтоб в небе — молния и гром,
Чтоб все земные океаны
Всю ночь ходили ходуном!

СОДЕРЖАНИЕ

«Кукушка»	3
Разговор	4
Пушков	5
Мой походный котелок	6
Здесь только б жить и грезить Грину...	7
Антоненко и Бринько	8
Снаряд	10
Гриденко	11
Гангутцы на Неве	12
Александр Невский	15
Волга	17
Стихи о шалаше	18
Шофер	19
Жаворонок	19
Камень	20
Соловьи	23
Мать	26
Навстречу нам от розового края...	30
Романтика	31

Редактор Б. Евгеньев

Подл. к печ. 24/VIII 1943.

Л43145. 11 $\frac{1}{8}$ печ. л.

Уч.-изд. л. 1,8. Тир. 25 000.

Зн. в печ. л. 62 000.

Заказ 1236. Цена 1 руб.

Набрано на фабрике юношеской книги изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

Отпечатано во 2-й тип. изд-ва «Московский большевик». Москва, Петровка, 17. Заказ № 221.

Цена 1 руб.

№ 53 г.

56

17

23